

Тбилиси. Помощь местному ГАИ

Саланг. Рухнувший в ущелье танк

бегом, парашютным спортом занимался... Ферганская воздушно-десантная учебка считалась в СССР самой крутой. А политотдел так мозги промывал, что все рвались в бой. Но в Афган послали только отличников боевой и политической подготовки.

В Кабуле служил в самом боевом отдельном гвардейском 345 полку, в котором было 11 Героев Советского Союза. Ринат лишь на парадном фото в полной армейской амуниции выглядит солидно, а на любительских фото, как старшаклассник.

– В Фергане фотографировались, радовались, что классно получились. Командиры осаждали: что ржётё, одну отправите родителям, другую, в случае чего – на памятник. Мы так и сели, как на памятник? Раньше на афганском кладбище в Магнитке все фото были такого формата... А это мой друг Валера Константинов из города Котельников Волгодонской области. Такой был классный пацан. Погиб. Многие пали на той войне. В полном составе погибла сапёрная рота. В живых остался старшина Дима, фамилии не припомню. Приходишь к нему, и жуть берёт: на идеально заправленных кроватях стоят фотографии погибших ребят...

Война не прощала небрежности, безответственности, цена которым жизнь, и не одна. На снимке трагический результат разгильдяйства – рухнувший в ущелье танк.

– Подбили?

– Нет, сами улетели, – говорит Ринат. – Это застава на Саланге. Танкисты поленились переобуть танки в зимнюю резину, да еще лихачили по горным дорогам. «Духи» залили водой крутой поворот, ночью он подмёрз, и танк грохнулся в ущелье. Никто не выжил.

Расстояние между жизнью и смертью на войне измеряется волоском. Отвечаешь за однополчан, свою жизнь доверяешь товарищам. Не проявил бдительности, расслабился – и на тебе кровь друзей. Заснул часовой – и роты нет.

– Так погибла сапёрная рота, – продолжает Ринат. – С праздником пришли поздравить «царандойцы», дружествен-

ные войска вроде нашего МВД. Посидели за столом, ушли, а в четыре утра рота взлетела на воздух.

Каждую минуту ждали автоматной очереди. Бывало, получали ранения, погибали в курилке. Случайность, судьба, везение или молитвы матерей порой отводили холодную руку вечности. У каждого бойца есть своя счастливая история:

– По прибытии в Кабул три дня жили в клубе, – вспоминает Ринат, – ждали борт на Баграм, где шёл обстрел. Ночью с криком забегает офицер: «Бегом, аэропорт принимает». Вскоре письмо от ребят получили. После нашего ухода не прошло и получаса, как в клуб влетел реактивный снаряд. Всё вдребезги. Душманская разведка сработала.

Последний день войны

Кому-то судьба дарилась жизнь, а кого-то подкарауливала чужая пуля. Так произошло с последним солдатом, погибшим при выводе войск из Афганистана.

7 февраля колонна шла по перевалу Саланг. Душманы устраивали диверсии, взрывали вершины гор, и снежные лавины преграждали путь. Расчищали и двигались дальше.

– Опустились сумерки. Сижу на бэмпэ, – продолжает Ринат. – Вдруг выстрелом с меня сбивает пристёгнутую к боку каску. Нырять в люк. Позади нас машина, на фальшборте которой устроились Андрей Лошаков и Игорь Ляхович. Игорь закутался в одеяло, на Андрее – бронжилет да бушлат. Игорь, пожалев замёрзшего товарища, предложил, давай, мол, перебирайся под одеяло. Только поменялись местами – засвистели пули. Гвардии ефрейтор Игорь Ляхович получил смертельное ранение в голову. Считай, чужую смерть принял. Мама его смотрела по телевизору вывод войск, готовилась к встрече. Как услышала имя последнего погибшего, так и рухнула от сердечного удара...

Война изменяет личность, мгновенно трансформирует сознание, принципы, моральные устои. Были случаи, когда воин-интернационалист вынужден

был мгновенно принять судьбоносное решение, которое никак не совместить с ролью солдата-освободителя. К бэмпэ несётся пацанёнок с миной. Не выстрелишь – весь расчёт взлетит на воздух.

– И у нас такое случалось, – откликается Ринат. – Остановились на Баграмском перекрёстке, перед кишлаком. Ребяшня вмиг облепила машину. Мы и не видели, как один из пацанят под борт полез. Наши, что сзади на бэмпэ стояли, крикнули. Приклеил он к борту магнитную мину-липучку. Кто знает, когда рванёт? А у нас полная машина боеприпасов, огнемёты, оружие. Побежали сапёров вызывать. Паршивца схватили за шкварник. Ну что ему сделаешь? Не убьёшь, в комендатуру не сдашь. Пинка дали и отпустили. А мину сапёры обезвредили.

Ринат после Афгана был на мятежном Кавказе, в Тбилиси, затем в районе армяно-азербайджанского конфликта. После службы окончил институт, занимал руководящую должность, теперь возглавляет строительную фирму. Петр выучился на помощника машиниста электровоза, потом круто поменял специальность – занялся электроникой:

– В мирной жизни тяжелее всего изменить сознание, привыкнуть к предательству, – считает Петр. – Приятелей много, а понадеяться не на кого. Первые годы живешь с постоянным чувством опасности. Спишь только на спине, ногами к двери, чтобы видеть, кто приходит. Только ключ поворачивается в замке, глаза сами открываются.

– Нет желания увидеть места, где воевали, теряли друзей?

– Наши ребята недавно ездили в Баграм, – говорит Ринат. – Местные чулки не на руках их носили. Помню, все пайки им раздавали: сгущёнку, тушёнку, печенье. Мирные теперь говорят, шурави – хорошие. А янки засели за забором, чуть подойдешь – огонь открывают. На этом снимке последний день в Афгане, прощальное фото с ротой. А это тот самый пограничный мост через Термез, который пересекли 27 лет назад...

✍ Ирина Коротких

Последний горный выход

Хайратон. Последний день войны. 11 февраля 1989 год